

Этот безымянный алхимик без какой-либо заинтересованности в получении моего разрешения заявил, что очень рад моей гостеприимности и завалился ко мне в каюту, сделав себе кровать из шкафа, который «он же всё равно пустой, так что, думаю, ты сильно не расстроишься». Кровать у него получилась красивая, резная. На таком чаше спят какие-нибудь короли, чем школьники, отправленные в ссылку. Вырубился он почти сразу, оставив меня один на один со своими мыслями. Или хотя бы сделал вид, что вырубился. Я же не мог просто так уснуть, думая о том, что меня ждёт, когда корабль прибудет к точке назначения. С этими же мыслями я погрузился в сон. Всю ночь мне снилась какая-то фиолетовая книга с алхимическим кругом на ней. Я понял, что это круг алхимический, потому что видел, как его чертил мой новоиспечённый сосед, когда делал себе кровать из шкафа, который был единственным декоративным элементом. Утром я проснулся от звуков колокола, обозначающих, что настало время завтрака. Из соседней кровати доносилось довольное сопение, означающее, что алхимика этот грохот вообще не пробил. Я не придумал ничего лучше, чем просто его пнуть, чтобы он проснулся. Раз с четвёртого его разбудить его мне, всё же, удалось, после чего мы быстро оделись и пошли завтракать. Пока мы шли и стояли в очереди, я рассказывал ему про то, как сюда поступает еда. Её генерировала машина, работающая на магии. Она ткала её из потоков, перемещающихся на той же частоте, что и те, которые отвечали за передвижение корабля и поддержание поля. Из-за того, что еда создавалась машиной, вкус у неё был не очень. Точнее, его не было вообще, что было понятно, ибо рассчитано это было на заключённых, а вкусно кормить нас тут не собирался никто. Выдавалось тут всё ровно по количеству людей на борту. В очереди мы шли подряд, я был первым. Я забрал поднос со своим завтраком, после чего моему примеру последовал мой протеже. Когда мы отошли и направились к какому-нибудь сидячему месту, меня толкнул какой-то жирный, и я всё уронил, оставшись без завтрака. Я встал и отряхнулся, а он вместе с остальными заржал и, развернувшись, пошёл к своему месту. Тут алхимик, сказав мне «держи» и сунув в руки свой поднос, поднял с пола мою кружку из-под чая и метнул в затылок мужику, который меня толкнул. Стоило тому развернуться, как он получил в лицо импровизированным молотом, созданным из подноса, взятого оттуда же, откуда и кружка. Довольно быстро передо мной образовалась смешная картина, когда болезненного вида парень стоял одной ногой на шее здорового преступника, читая тому нотации, почему надо смотреть по сторонам, когда ходишь. Я не удержался и засмеялся, чуть не уронив ещё и его завтрак на пол. Поняв, что я результатами удовлетворён, алхимик отвесил ещё один пинок по голове «невнимательного» и отправился ко мне, потащив меня с подносом наперевес наружу. Когда мы оказались на палубе, он потянулся и предложил поделить пополам то, что осталось.

-Знаешь, я вообще это не ем.

-В смысле?

-Ну, я не очень люблю местную стряпню, поэтому отношу её деду, который уже просто слишком стар, и его всё время оставляют без еды, забирая его порцию.

-А ты как?

-А себе я сам создаю. Хотя вкус есть.

-А таким же способом деду создать, нет?

-Нет. Он не принимает ничего, созданного магией. Говорит, что это всё чертовщина и люди в своё время поплатятся за это. И он думает, что эта машина работает не на магии. Я не хочу его расстраивать, потому что тогда он вообще есть перестанет.

-Ладно, тогда иди корми деда, что ещё делать?

-Но это же твоё.

-Я вообще не голоден. Тем более, раз у меня теперь среди близких знакомых есть хороший маг, то это вообще не проблема.

-Тогда сам возьми и отнеси.

-Шуткуем? Если ты ещё не увидел, то я тут, как бы, пытаюсь показать, кто тут мусор, а кто мы с тобой. Я не хочу, чтобы эти люди знали, что я могу взять и отдать свою еду какому-то деду, которого я в лицо не видел. Я уверен, что даже по поводу недавней ситуации они думают, что я просто решил ещё раз им объяснить, где и почему они неверно мыслят, а не вступить за тебя. Этому же помогло и моё шумное заселение, так что иди сам.

-Ладно.

Так мы с ним жили, коротая время до прибытия. Даже подумать смешно. Владеем такими сильными вещами, как алхимия и магия и можем без проблем добраться в разы быстрее, но вынуждены скучать в этом дальнем плавании. Хотя, пожалуй, «скучать» не подходит. На четвертую ночь к нам завалились какие-то особо смелые кадры, которые решили под покровом тьмы украсть мантию алхимика, чтобы лишить его, как они думали, самого опасного его орудия. Они даже предположить не могли, что самое опасное в нём не мантия, а он в ней опасен до жути. Казалось бы, у них был идеальный план, если бы не одно «но». Они просто не знали, что он не спит почти до утра. И когда они зашли внутрь, вскрыв замок, их уже ждал один интересный человек не в лучшем расположении духа. Половину этой истории я узнал с его пересказа, а остаток увидел сам, потому что, по понятным причинам, шум поднялся невероятный. Эти самоотверженные люди ещё долгое время шарахались при шорохе за спиной. Чуть ли не каждый день ему приходилось объяснять остальным заключённым, что он не «слышь, сопляк», а «извините, пожалуйста, не будете ли вы так добры и снисходительны» и никак иначе. Любое нарушение данной формулировки каралось незамедлительно и сурово. Например, тот толстяк, который тогда толкнул меня, три дня провисел на мачте за то, что так же пнул кого-то другого. Так, алхимик стал неким правосудием среди этой анархии. Даже дед, которого я кормил, стал выходить сам, потому что за него поручилось наша местная корабельная власть. Власть, конечно, не была сильно справедливой и честной. Такие вещи, как драка за собственные интересы не то, что не искоренялись, а искренне поддерживались. Аргументировал это мой друг-алхимик тем, что на Континенте нас кормить с машины не будут. Таким образом я начал понимать его. Как бы он со стороны не был низок и мерзок, но он готовил всех к прибытию, учил тому, что нельзя унижать того, кто слабее, тому, что просто так мы там ничего не получим, и единство – наш единственный путь выжить. Думаю, это то качество, которое делало его таким, какой он есть. Он не расстроится, если все будут считать его последней сволочью, но явно будет опечален, если не сделает всё, что в его силах, чтобы максимально всем помочь. Своими методами он заработал себе полное и безоговорочное уважение среди всех на корабле. Его, а меня заодно с ним, стали пропускать без очереди всюду, где она была. Отдавать самое лучшее всюду, где оно было. Жизнь, безусловно, стала лучше с его появлением. Ещё лучше всё делало-то, что заключённые тоже понимали это. Так продолжалось до тех пор, пока перед нами, наконец, не появилась земля, которую мы не видели в течении многих месяцев. На самом берегу виднелся небольшой форт, которому, скорее всего, было суждено стать нашим пристанищем.